

памятником автору и эпохе, в которой она появилась. При публикации диссертация удачно дополнена отзывами официальных оппонентов А.А. Зимина и В.Б. Кобрин. Эти тексты — тоже интересные историографические памятники, помогающие понять значение исследования. Завершает издание список основных публикаций автора — хотя хотелось бы увидеть полный. Это, пожалуй, главное критическое замечание по адресу составителей.

Без сомнения, издание «Теории феодализма в русской историографии» стало заметным событием в исторической науке и, возможно, поспособствует активизации изучения затронутых в ней проблем. Остаётся лишь пожелать, чтобы книга заложила традицию издания неопубликованных историографических трудов дореволюционных и советских историков.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Шмидт С.О.* Выдающийся воспитанник и профессор Историко-архивного института // *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьёва: Сборник статей.* В 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 25–35; *Тихонов В.В.* В.А. Муравьёв как исследователь теорий русского феодализма в отечественной историографии // Там же. С. 61–70.

² *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 3. Л., 1971. С. 72–73.

³ *Цамутали А.Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 209.

⁴ *Дурновцев В.И.* Время, пространство, события в жизни и творчестве историка: воспоминания В.А. Муравьёва // *Новый исторический вестник.* 2013. № 36. С. 9; *Дурновцев В.И.* Времена Виктора Александровича Муравьёва // *История и историки: историографический вестник.* 2011–2012. М., 2013. С. 306.

⁵ *Муравьёв В.А.* Революция 1905–1907 гг. и русские историки (к постановке проблемы) // *Интеллигенция и революции. XX век.* М., 1985. С. 72–73.

⁶ *Муравьёв В.А.* Б.И. Сыромятников о становлении феодальных отношений в древней Руси // *История и историки. Историографический ежегодник за 1973 г.* М., 1975; *Муравьёв В.А.* Сыромятников Борис Иванович // *Историки России. Биографии.* М., 2001.

⁷ *Беленький И.Л.* Борис Иванович Сыромятников // *Россия и современный мир.* 2002. № 4. С. 204–213; *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Пиза, 2008; *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М., 2012; и др.

⁸ *Муравьёв В.А.* В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // *Ключевский. Сборник материалов.* Пенза, 1995. С. 223.

Игорь Гребенкин

На западных рубежах империи: первые шаги государственной карьеры П.А. Столыпина*

Igor Grebenkin
(*Esenin Ryazan State University, Russia*)

On the Western Borders of the Empire: The First Steps of P.A. Stolypin's Career

В последние два десятилетия исследователи писали о П.А. Столыпине достаточно часто¹, но преимущественно их интересовала, естественно, его деятельность во главе МВД и Совета министров, а также предложенная им программа преобразований. Служба же

будущего реформатора в западных губерниях, на границах русской Польши, до недавнего времени практически не изучалась. Приводившиеся о ней сведения носили самый общий характер, что объяснялось отсутствием источников или трудностью доступа к ним.

* *Jurkowski R.* Kowieński marszałek, grodzieński gubernator. Kresowe początki kariery politycznej Piotra Stołypina (1889–1903). Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2015. 616 s.

Поэтому нельзя не обратить внимание на изданную Варминьско-Мазурским университетом в Ольштыне монографию польского историка, профессора Романа Юрковского «Ковенский предводитель дворянства, гродненский губернатор. “Окраинное” начало политической карьеры Петра Столыпина (1889–1903)». Это оригинальное исследование является, по сути, первой работой, полностью посвящённой становлению Столыпина как государственного деятеля. Автор не только учёл известные источники и результаты прежних исследований, но и рассмотрел огромный массив новых материалов из архивов и библиотек Польши, России, Белоруссии, Украины, Литвы. Наиболее интересные тексты публичных выступлений, фрагменты личной и служебной переписки, приводимые как в оригинале — по-русски, так и в польском переводе, собраны в приложении, которое помогает лучше осветить различные этапы жизни Столыпина в западных губерниях. Значительная часть их публикуется впервые.

В книге создана масштабная картина жизни Западного края, который может считаться малой родиной Петра Аркадьевича. Детство и юность будущего главы российского правительства прошли в основном в имении Столыпиных Калноберже на Ковенщине и в Вильне, где он окончил шесть классов гимназии. Его отец — генерал Аркадий Дмитриевич Столыпин — в 1863–1865 гг. служил под начальством генерал-губернатора М.Н. Муравьёва и показал себя ревностным администратором в период подавления польского восстания. Взгляды отца безусловно влияли и на его детей, считавших «чужими» не только поляков, но и иных неправославных жителей региона. Между тем в гимназии вместе с ними училось немало представителей польско-литовских семей, неоднозначно, часто враждебно относившихся к российскому господству в любых его проявлениях (к примеру, несколькими годами позже в неё поступил Ю. Пилсудский). Обнаруженные Юрковским в литовских архивах документы Первой Виленской гимназии помогают воссоздать атмосферу этого учебного заведения и содержат сведения об успехах гимназиста Петра Столыпина и его братьев Михаила и Александра. Будущий министр отличался тогда склонностью к гуманитарным предметам и, не являясь круглым отличником, был

всё же неизменно одним из первых учеников в классе.

В 1879 г. семья переехала в Орёл — к новому месту службы отца. Лишь через десять лет Столыпин, уже окончив университет и пройдя первые ступени карьеры в Петербурге, вернулся в Западный край, где получил пост ковенского уездного предводителя дворянства. В Ковне он провёл 13 лет. Именно эти годы занимают центральное место в книге. Автор подробно рассказывает о губернском городе, округе местечка Кейданы, где находилось имение Столыпиных, и самой усадьбе Калноберже, в которой они жили около семи месяцев в году. Лично занимаясь хозяйством, Столыпин придумал ему образцовый вид.

В западных губерниях, отличавшихся сложным национальным и конфессиональным составом и своеобразным экономическим укладом, предводитель дворянства не избирался местными дворянами, а назначался и являлся чиновником, находящимся в постоянном общении с землевладельцами уезда, по преимуществу — поляками. Много лет спустя, уже возглавляя Совет министров, Столыпин упоминал в разговорах, «что хорошо знает поляков, многому у них научился и многим им обязан»². Как отмечает Юрковский, распространённое в современной польской историографии представление о непреходящей конфронтации в крае не соответствует реальной ситуации конца XIX в. За три десятилетия, прошедших после 1863 г., страсти утихли, прежние обиды сглаживались, взаимное недоверие постепенно преодолевалось, а при разумном и конструктивном поведении властей становились возможны сотрудничество и взаимное уважение. Вместе с тем если в центре России помещики польского происхождения не сталкивались с какими-либо ограничениями, то в западных губерниях им по-прежнему запрещалось приобретать имения. Поляки болезненно воспринимали покупку земель русскими помещиками, боясь утратить своё преобладающее положение.

Непосредственно наблюдая сельское хозяйство, не знавшее общины и заметно отличавшееся по своему укладу от того, которое было характерно для центральной России, Столыпин накапливал опыт и вынашивал идеи, воплотившиеся впоследствии в ходе аграрной реформы. Большое внимание он

уделял передовым образцам хозяйствования и их результатам. Для их демонстрации при активном участии предводителя дворянства устраивались сельскохозяйственные выставки (наиболее заметной была коневодческая в Кейданах). Более десяти лет Пётр Аркадьевич являлся председателем Ковенского общества приобретения и сбыта предметов сельского хозяйства, деятельность которого освещена лишь в польских исследованиях³. Общество, созданное при участии нескольких кейданских помещиков — единомышленников Столыпина, создавало конкуренцию мелким торговцам инвентарём и смогло заметно снизить цены на него на местном рынке. Стремясь привлечь к себе не только землевладельцев, но и крестьян, оно широко практиковало отпуск товаров в кредит. При этом Столыпин указывал, что целью данной организации являлось не только получение коммерческой прибыли, но и распространение культуры и знаний среди хозяев (s. 275). В 1900 г., будучи уже губернским предводителем дворянства, он стал первым председателем Ковенского сельскохозяйственного общества, от имени которого в 1901 г., незадолго до заключения нового российско-германского торгового договора, направил в Министерство земледелия и государственных имуществ соображения о мерах, необходимых для защиты интересов производителей приграничной губернии (s. 508—514).

Среди разнообразных чиновничьих обязанностей и множества общественных забот ковенского предводителя особое место занимала деятельность в комитетах попечительства о народной трезвости, возникших вслед за введением по инициативе С.Ю. Витте винной монополии и обеспечивавших контроль за соблюдением законодательства о торговле алкоголем и воспитательную работу с населением (организация досуга, народных чайных, просветительских мероприятий, нацеленных на пропаганду трезвого образа жизни, и т.п.). Критически оценивая возможности этих бюрократических учреждений, Столыпин выдвинул идею создать в Ковно по примеру ряда крупных российских городов Народный дом. Его открытие в 1899 г. потребовало немалых усилий, но впоследствии он стал одним из центров популяризации русского языка и культуры в крае. И сам Столыпин, и его супруга Ольга Борисовна активно занимались благотворительностью и, не

ограничиваясь денежными пожертвованиями, всегда старались использовать своё влияние для практической помощи нуждающимся и достижения успеха в общественно важных делах. В то же время, как отмечает автор монографии, уже в Ковно Пётр Аркадьевич умел сочетать государственные и общественные интересы и объединять самых разных людей, даже формально не подчинённых ему и не связанных между собой служебными отношениями (s. 245).

В МВД, по-видимому, были отмечены способности молодого чиновника и его докладные записки о торговле с Германией, о местном самоуправлении и страховании сельскохозяйственных рабочих. В мае 1902 г. последовало его назначение губернатором в Гродно. В течение девяти месяцев на этом посту Столыпин проявил себя сильным администратором, знатоком аграрного вопроса и убеждённым сторонником распространения народного просвещения. Согласно мемуарам кн. А.Б. Оболенского, в Гродно в первые же дни его губернаторства был закрыт некий «Польский клуб», что считалось свидетельством твёрдой государственно-националистической позиции Столыпина⁴. Между тем Юрковскому не удалось обнаружить в истории города какие-либо следы существования «Польского клуба» (организация с таким названием после 1863 г. действовать просто не могла). Изучив местные источники, автор пришёл к заключению, что «польским» клубом в Гродно было принято называть местное отделение Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, действительно закрытое в 1902 г., скорее всего без всякой политической подоплёки.

Годы, проведённые П.А. Столыпиным на службе в Ковенской и Гродненской губерниях, были для него многотрудным, но счастливым временем. Здесь родились его дети, а плодотворные занятия хозяйством, общественными и служебными делами оставляли у окружающих лиц добрую память и укрепляли заслуженный авторитет. Прощаясь в 1903 г. с сослуживцами в Гродно, Пётр Аркадьевич, судя по всему, совершенно искренне заявлял, что проведённое здесь время останется для него и его семьи лучшим в жизни (s. 420). Видимо, так оно и получилось: Россия вступала в трагическую эпоху революционных перемен, одним из ярких героев

которой стал П.А. Столыпин — русский дворянин, помещик и чиновник, сформировавшийся в период службы в Западном крае.

Примечания

¹ См., например: *Зырянов П.Н.* Пётр Столыпин. Политический портрет. М., 1992; *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин: последний

реформатор Российской империи. М., 2007; Пётр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011.

² *Изгоев А.* П.А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 13.

³ См.: *Jurkowski R.* Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza. Warszawa, 2001. S. 603.

⁴ *Оболенский А.Б.* Мои воспоминания // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 34–35.

Владислав Аксёнов

Рец. на: Б.И. Колоницкий. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культуры «вождя народа» (март—июнь 1917 года). М.: НЛО, 2017. 520 с., ил.

Vladislav Aksenov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: B.I. Kolonitskii. «Tovarishch Kerenskii»: antimonarkhicheskaia revoliutsiia i formirovanie kul'ta «vozhdia naroda» (mart—iiun' 1917 goda). Moscow, 2017

Последний министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский — персона хорошо известная и привлекательная для исследователей¹. При этом оценки личности Керенского как его современниками, так и потомками были достаточно противоречивы — от образа искреннего демократа-романтика до расчётливого и эгоистичного деспота.

В рецензируемой монографии, автором которой является известный специалист по социально-политической истории Первой мировой войны и российской революции Б.И. Колоницкий², рассматривается относительно короткий период нахождения Керенского у власти — с марта по июнь 1917 г. Тем не менее, считает автор, это время представляется наиболее важным для исследования обстоятельств формирования культуры вождя революции, характеризуются его легитимацией, тогда как осенью 1917 г. происходил обратный процесс (с. 27).

Исследование не относится к собственно биографическому жанру, речь идёт не столько о самом Керенском, сколько об особенностях формирования его культуры (инструментах репрезентации, динамике различных образов,

особенностях их восприятия широкими массами и политическими оппонентами политика). При этом Колоницкий обращает внимание на то, что «создатели культов Ленина, Троцкого, а затем и Сталина, культов советских вождей меньшего масштаба активно использовали наработки, опробованные и распространённые сторонниками Керенского» (с. 482). Поэтому книга актуальна не только в плане углубления наших знаний о политической борьбе в 1917 г., но и понимания коллизий последующей советской истории.

Вместе с тем работы, посвящённые исследованию различных аспектов политической культуры (в частности, языку символов, формирующему политические образы), пока не стали традиционными в исторической науке, не разработана и их методология. Вот почему автор использует социально-психологический и имагологический (с привлечением визуальных документов, зафиксировавших образы вождя) подходы, а также вынужденно обращается к эмоциологии, без которой не могут быть поняты многие аспекты культуры Керенского.